

239 ³/₁₅₇

Р Ъ Ч И,

ПРОИЗНЕСЕННЫЯ

В Ъ

ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА,

бывшемъ 30 Августа 1809 года.

В Ъ Х А Р Ъ К О В Ъ,

Въ Университетской Типографіи, 1809 года.

I.

De Eruditorum gloria.

Hujus solennis diei summa felicitas et laetitia nos iterum associavit, ut *Caesareae Majestatis, Augustissimi et Clementissimi Imperatoris* nostri, festum magnum animo devotionis, admirationis et gratiarum plenissimo celebremus ritibus eruditorum dignis. Et sapientiae vestrae, Magnifice Academiae Rector et Senatores academici Clarissimi, placuit, hujus solennitatis partem exercendam mihi ita committere, ut ejus ceremonias publica oratione initiarem. Animo volventi et perpendenti, quid ad hunc finem aptum conveniensque dici possit, visum mihi est, a re non abhorrrere:

De gloriae ambitione, cum eruditorum dignitate conveniente

pauca disserere, quibus non solum Universitatis nostrae de hac re sententiae hominibus declarentur, sed etiam juvenes, qui hic erudiuntur, discant, quid in satisfacienda gloriae cupiditate, animis nobilibus a natura insita, imprimis sequantur, quid evitent.

Vellem, ut summi oratoris philosophici romani ingenium afflatu suo me inspiraret; tunc in dissertatione mea neque sententiae neque his accomodata verba desiderarentur. Quamvis ne tale quid fiat enitar omnino, motus erga tales Auditores reverentia; tamen ad indulgentiam vestram recurro, coram sapientibus loquens, quos non fugit, tum temporis in quo dici debet brevitatem, tum debitam auditoribus pluribus, qui linguam latinam non callent, observantiam, mihi legem imponere, de re

suscepta non omni qua par est prolixitate disserendi. Et cum id ago, ut de laudis et famæ studio eruditorum loquar, nolite, Auditores summe venerandi, opinari, mihi doctis viris praecepta vitae dare velle in mentem venisse, quae suscepti mei judicatio profecto injusta esset; sed potius persuasum habeatis, me, qui doctis viris nil novi dici posse bene perpendo, hac dissertatione id maxime intendere, quod juvenes nostri studiosi audiendo et legendo admoneantur et excitentur, ut *Caesareae Majestatis, Principis Indulgentissimi, hujus Universitatis Creatoris Benignissimi, eruditorum summi Protectoris*, gratia dignos se reddant studio gloriae eruditorum verae diligenti et assiduo; quo a parentibus acceptam nobilitatem augere, propriam comparare et novam addere possint. Est enim gloriae ambitio omnium cupiditatum nobilissima, qua humana prae ceteris distinguitur ab animalium natura et principatum occupat; quae non solum ceterarum cupiditatum vehementiam debilitat et retinet, sed etiam, si sapientia regitur, principibus aequae ac subditis sublime et divinum aliquid tribuit, quo inter socios excellant et ad generi humano benefaciendum motos se sentiant. Quare hanc exercendam, juvenes nobilissimi, vobis semper commendamus. Videtis hanc in omnibus consiliis et factis Senatum academicum sequi. Videtis in ea *Augustissimi Caesaris nostri Majestatem* splendissimo suo exemplo nobis omnibus praelucere.

Sed qui gloriae lauros nunquam flaccidos frontibus vestris exoptatis, eruditi, vos admonet exemplo suo Horatius. Agite laboribus et operibus, ut immortalitatis praesagium vos arripiat, sicut illum, qui suorum meritorum sibi conscius de se canebat:

Exegi monumentum aere perennius,
Regalique situ pyramidum altius,

Quod non imber edax, non aquilo impotens,
 Possit diruere, aut innumerabilis
 Annorum series et fuga temporum;
 et quem insita cordi modestia carminis finem dictitabat:
 sume superbiam

Quaesitam meritis; et mihi Delphica
 Lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Revera non omnis mortuus est, uti praedixit, Horatius; et in omnia aeva multa pars sui vitabit Libitinam. Quod et pluribus accidit antiquorum et recentiorum temporum ingeniis, in quacunque cognitionis parte verè excellentibus. Nam favuit semper dea studio famae et laudis recto et justo.

At, potestne in hoc studio errari labique? Nisi posset, videremus saepius gloriae cupidissimos quamvis velociter currentes tamen metam non contingere? Nobis quaerentibus, quomodo eorum sors sit evitanda? respondet idem poëta:

Virtus est vitium fugere; et sapientia prima
 Stultitia caruisse, i. e. errore.

Ergo sequamur sapientissimi viri praecepta et investigemus, quae sit eruditis viris via ad gloriam perducens vera; et quae falsa, qua in dumetas impermeabiles et in paludes impervias aberretur. Incipiamus autem cum erroribus, ut illis cognitis et neglectis veritas nobis luculentior splendeat, ejusque lumine sapientiores reddamur.

Versantur primum in errore, qui laudes publicas nimis et anxie sectantur et, tam in hominum sermone quotidie celebrari, quam in diariis literariis semper nominari et recenseri honoribusque distingui volunt, simulac minutissimam observationem sive inventum parvi momenti fecerint, aut dissertatiunculam com-

pilaverint, aut libellum quemcunque in aliam linguam verterint, aut in scholis per breve solummodo tempus docuerint; qui interdum adeo sitiunt eruditionis gloriam, ut etiam ad minutissimas et sordidas artes descendant, per quas magnam de se opinionem et famam vel commovere vel propagare, sed frustra plerumque, conentur. Nam, estne ita obscura et parva res excellens in quocunque genere eruditio, ut non sine talibus artibus ipsa inlarescat, praesertim cum se copiasque suas ad usum communem patefecit? Si talis quoque ad certum tempus nullam sui admirationem faciat nec celebretur longe lateque sermonibus judiciisque multorum, nihilo tamen nec ipsa minor fiat, nec minus oblectet et pascat conscium possessoris animum, neque frustra expectet semper meritorum aestimationem, cum non raro a civibus neglectum et denegatum agnoscitur tribuiturque a peregrinis et posteris. Ac nescio, quomodo in hoc genere laudis et gloriae idem quod in ceteris rebus humanis accidit. Nonne saepius divitias fugere videmus ab iis, qui eas appetunt maxime? dum aliis se fere ultro offerant eas non quaerentibus? Sic eruditionis fama praeclara plerumque refugit a labris omnibus artibus atque insidiis captantis in aeternum sitientis Tantalii; et non raro contingit illi, qui ejus securus omne studium omnemque operam in ipsa doctrina augenda, adhibenda et diligenter promulgenda consumit; qui anxia illa ambitionis perturbatione ejusque minutis curis se non patitur abduci a rebus ipsis praeclare agendis, a quibus solis vera laus venit, a studio nempe meditationis, investigationis et applicationis indefesso. Dilacerant enim curae animum, carpuntque tempus scientiis et artibus ipsis consecratum, prodiguntque vires in negotiis, sapienti viro indignis. Et quemadmodum pecuniae congerendae augendaeque

nimis inhiantes, dum magnos quaestus facere conantur, saepe jacturas faciunt permagnas; sic etiam eruditionis magnae famam tam cupide venantes in multa temere incurrunt, quae iis feras occultant aut depellunt, praedamque jam speratam absumunt.

An deinde minus errare videantur? qui eruditionis magnae speciem solummodo quaerunt, de ipsa certa ac vera acquirenda haud solliciti; qui ab aliis cogitata pro suis venditant sine propriis additamentis et illustrationibus; aut qui multorum librorum titulos recitant et factorum tempora extemplo narrant, ignorantes quae in libris contineantur et quae sint causae factorum, quae eorum modalitates, quales effectus; aut qui sine temporum et locorum respectu quicquid memoriae inculcaverint crude et indigestum reddunt; aut qui cum verborum inusitatis significationibus ludunt, obscuritatem affectant, scripta notis et citatis infarciunt, et vario modo eruditionis copiam simulantes superbia tument. Quid enim aut quantum differunt ab indoctis? qui simulationis magis levitate fruuntur quam eruditionis soliditate et constantia reguntur, nonnisi honesta specie ignorantiam obducentes. Nonne illi in re seria ludunt et histrionum vitam gerunt, quibus in regum ornatu gressuque incedere sufficit, ut habeantur reges dum in scena sint? Et quomodo hanc eruditionis meram affectationem exercentibus non idem eveniet? quod mercatoribus, qui ut divites videantur de industria agunt, eo peritis suspicionem rei non optime constitutae et animi non optime conscii moventes; illusionem nonnisi gloriolam ephemeram consequentes, cujus tamen inimici nunquam deerunt vicini et posteri. Aliter enim applauditur in mundo ac in theatro, ubi applausum strepitus vix diutius durant stridore vini spumantis. Et simulatione eruditionis opinionem magnam captantes cum glo-

riosi hominibus, qui nobilitatis documentis carentes nobiles se praedicant et cupiunt haberi, comparandi sunt, neque aliorum vindicationis injustae praemiorum participes fient in impostorum contemptum detrusi, si forsitan non in vita, tamen post mortem. Sicuti homines, semper meritorum justitaxatores, ex milite, qui herois titulum sibi vindicat, quaerunt: quibus victoriis affuerit? et ex illo, qui in officio civili prae ceteris distingui vult: quibus rebus civium commoda promoverit? Sic etiam erudito specioso dicent: profer nobis discipulos a te eruditos, vel inventa tua, vel opera et scripta, quibus generis humani praestantiam, scientiam sapientiamque auxeris. Qui in tales quaestiones nihil ad respondendum habuerit, ejus gloriae cupiditati nemo doctus et prudens satisfaciet. Stultorum et ignorantium laudem vero quis et qualis esse potest qui appetat?

Neque tertio ab errore liberi sunt existimandi, qui revera eruditi merita sua semper praedicant, repetentes in omni sermone quid boni praeclarique cogitarint, invenerint, perfecerint, ceterorum vero doctorum merita detrahentes, qui etiam discipulos vel clientes tanquam psittacos suos ad artem adsuescere cupiunt, de magistrorum vel patronorum praestantia per totum diem garrulandi eorumque laudes ex omnibus fenestris canendi. Et istis opinionem verbis vel consequi vel augere tentantibus rem melius successuram esse arbitremur? Fortasse apud imperitam multitudinem ad tempus. Sed qui vulgi sermonibus se dederint, non sperent procerum laudes. Nam, quamquam nullum est bonum, de quo non ii, qui id habeant, honeste possint gloriari; tamen ostentatione et magniloquentia offenduntur prudentes, qui judicia sua ab aliis praeripi et quasi formari pro lubitu nolunt. Expectationes quoque de se majores, quam vires et

artes explere sufficiant, faciunt illi, humeris plus quam valeant imponere coacti homines, quorum de causa montis parturientis fabula commenta esse videtur. Sicuti Phaedrus de se magniloquentes non quidem honorifice comparatos optime pinxit in fabula, in qua superbi exclamant: Nos poma natamus. Et quid, quaeso, exspectent invidiosi ex detrahendorum meritorum cura et studio? Nam primum fama et gloria non possunt quemadmodum aedes ex aliarum ruinis construi; et deinde merita similia sunt pulveri pyrio, qui eo fortius explodit, quo magis comprimitur. Ita ergo, ut invidiosi meritorum detractores ad eruditionem aliorum, non obscurandam, sed potius celebriorem reddendam, nati esse videantur. Qui vero negligentiam pigritiamque imperitae multitudini eo velare student, quod satyras faciant et derisiones in viros diligentes et in instituta, quae iis non aliam ob causam displicent, quam quod non impletorum officiorum erga ea susceptorum sibi conscii sint, nonne tela sua mittunt stulti in ipsos recidentia?

Tunc et ii errant eruditi, qui titulos aliaque distinctionum signa externa cupidiores gestiunt, quam eruditionis ipsius excellentiam; obliti, ad merita personalia ut acquirantur imprimis respicere doctum virum decere. Non quidem cum contemptu unquam despiciet sapiens vir in dignitates eminentes a populorum principibus collatas, revera publicae meritorum agnitorum gratitudinis testimonia habendas et aestimandas; neque ex invidia superbiam aliquam doctam in titulos jure et merito tributos exercebit. Sed ille, qui superiorum gratiam benevolentiamque, sponte ei condonatas, immodeste nunquam repudiabit, tamen ipse non existimet, eas ad gloriam eruditam pertinere et sine doctrina ipsa magna et copiosa sufficere; quare etiam non vehementer

optabit sibi tales honores, qui non minus favori aliorum et institutis civilibus, quam virtuti nostrae, debentur. Semper enim verorum meritorum esse putaverunt homines, quod non exposcant sed exspectent aestimationem atque approbationem honorificam publicam; vanitatis contra, aspirare ad eminentias cum nimia cupiditate et impatientia. Omni tempore laudati fuere et laudabuntur celeberrimi et summi eruditi: Bossuet, quod purpuram tiaramque; Erasmus, quod Archiepiscopatum; Eulerus, quod fascias ordinum et titulorum patentia, se non egere ad immortalitatem judicaverunt. Quod vulgo necessarium est et ordinarium, vestimentum simplex neque pretiosum, id eorum facit ornatum, qui multa praeclara, magna, utiliaque egerunt, sub eo speciem accipientes pulcritudinis neglectae sed eo magis allecantis. Quid vero dicam de illis eruditis? qui principum et illustrium hominum foras quotidie obsident, eorumque epulis escati prae ceteris cohonestatos elatosque se putent, si frequenter invitentur? Suntne isti vanitate ita obcoecati, ut non videant, eos interdum hospitem urbanitati tantummodo debere quod ferantur, utque eorum sagacitatem fugiat, doctos viros in genere ab illustribus minus a moris quam nobilis cujusdam ostentationis causa requiri ferrique, eosque se ingerendo et voluptati potius quam utilitati inserviando humiles fieri, non excelsos.

Et quomodo tandem non errent? qui de eruditionis suae fama non dubitant, si morem sequantur et tum gustui temporum in quibus, tum hominum quibuscum vivitur humori nimis indulgeant. Laudantur quidem dum voluntati aliorum satis faciunt adulanturque cupiditatibus humanis; sed ad quem terminum? Obsolescantne cum more literati, uti sartores sutoresque et ceteri qui mori serviunt artifices? Suntne tale quid experti inter Fran-

cicos Voiture et Sarasin? inter Germanos Gottsched et Crusius? Eruditio enim temporanea et mori diligenter aptata instar floris Cyani campestris viget, qui frumenta segetesque perdit neque habet pretium, nisi venustatis alicujus mutuae a muliercularum libidine ei leviter tributum, hodie in ornamentorum praecipuorum valore existimatus, cras plebi traditus et in crapulam dejectus: dum eruditio vera et infucata instar rosarum liliarumque omni aevo, cuilibet genti, antiquissimo et recentissimo, aequae ac jucundissime floreat. Milton et Klopstock, Shakspear et Gozzi, Dante et Wieland, in omnium populorum deliciis habentur habebunturque in aeternum.

Semper eruditorum, qui in vulgi judicia nimis inclinant, neque haec corrigere officii putent, ipsorum culpa erit, si cives eorum exemplo et vitae genere non docentur, sapientis et docti hominis otium, negotiorum plenissimum, mereri meliore nomine, et meditationes, lucubrationes, observationes, itinera, orationes, lectiones, scriptiones, esse veros labores, interdum cum valetudinis et vitae periculo susceptos, qui ad modum omnium communi utilitati inservientium laborum habent in se suos proprios honores et nobilitatem ubicunque terrarum agnitam. Plus enim quam honores et honorum indicia valet aestimatio publica, quae venerabili nunquam denegatur nisi ab illis, a quibus denegari ipsa laus et gloria est: ab animis aut inanibus et dissipatis, aut quibus omnino nihil sacri esse videtur.

Sed jam satis errorum tenebras collustrare conati requiescamus in sententiis Friederici II, regum Borussorum sapientissimi et eruditissimi, qui quid gloria sit et quibus laboribus, contentionibus, actionibusque acquiratur optime inttellexit et demonstra-

vit, cecinitque in fine epistolae ad amicum Bredow scriptae:
 „ Sur la Reputation „ :

O! gloire, illusion, cesse de me séduire,
 L'amour de la vertu doit tout seul nous conduire.
 Mon coeur doit me juger; s'il m'approuve. il suffit.
 J'arrache ces lauriers, qu'on me prête à crédit.
 Je ris de cet encens, qui s'envole en fumée,
 Et du peuple insensé, qui fait la renommée.

Transeamus nunc ad famae eruditae campos apertos ubi a
 recta ad gloriae templum via aberrari nequit. Hic jam e lon-
 ginq̃uo conspicimus in templi fronte inscriptum :

Studio et Labore.

His duobus gradibus ascenditur ad deae thronum, quae in-
 flectit comae laurum in omne aevum virescentem, et imponit
 coronam immortalitatis. Non enim merae laudantur ingenii fa-
 cultates et corporis dotes, a natura acceptae, sed in excolen-
 dis iis ad usum et voluptatem communem adhibita diligentia;
 laudantur res gestae, facta, virtutes; non eorum species; non
 promissa pigrorum inania; probantur fructus, non folia. Et supra
 laudem stat gloria, quae insolita requirit facta, ardorem ad sub-
 limiora tendendi eximium, operamque continuatam; et tribuitur
 non ab aliquibus sed a multitudine vel coaeva vel posteritatis,
 et quidem in ingenii actionibus a sapientibus et peritis, degli
 virtuosi; in animi et voluntatis a similibus, i. e. ab optimis.

Quare, si docti hominis gloriam spectemus, consistit ejus
 vera laus et honos perpetuus in eo, quod excellat magna, accu-
 rata, solida et prompta doctrina, praesertim tali cognitione ejus
 scientiae et artis, quam quisque sibi tanquam provinciam colere

regereque assumsit; conjuncta cum ardore producendi ingenii opera praeclara, cum oratione distincta et elegante, cum animi liberalitate communicandi cum ceteris et cum morum temperantia modestiaque; quae tandem sit proprio labore et opera parta. Atque haec ipsa gloria promoveri potest studio indefatigabile augendi doctrinam, eamque communi vitae utiliore reddendi; amore etiam in omne scibile; et peritia aliarum rerum, quam quae ad certum aliquod eruditionis genus in specie pertinent; promovenda tandem scientia novis inventis et detectis.

Qui mentis humanae vim intelligant, confiteantur, nos ad magnopere laudandum non irritari nisi eo, quod magnitudine, raritate et praestantia singulari animos nostros ad admirationem vehemente moveat, naturamque ipsam nos ad sensum exactitudinis ita acuisse, ut semper accurate factum nobis probetur et placeat, quod secus sit improbetur et displiceat; neque id modo in rebus gravibus, magnis et cum publica privataque utilitate conjunctis; sed etiam in minutis, levibus, ad solam oblectationem comparatis. Musici, quam offendantur, si quid leviter discrepet ac dissonet! Mulierculae elegantes, in amictu vestituque nonne magis prope diligentiam quam magnificentiam appetunt? In ipsis ludis nemo sodalis libenter agnoscitur, qui leges ludi neque accurate calleat, neque oculorum et animi attentione applicet. Et mirabimur? in eruditione copiam diligentiam solertiamque expeti, si laudanda sit? Quae alia res libris graecis et latinis permultis nomen Classicorum, quod iis ab omni posteritate tribuetur, promeruit? quam illa in rebus, sententiis et verbis locupletas et *αριστεία*, nos usque ad admirationem et Enthusiasmum delectantes. Quibus aliis artibus floruerunt et memoriae immortalitatem acceperunt Aristoteles et Euclides, Pindarus et

Horatius, Apelles et Phidias? Eaque sola estne omnibus recentioribus scriptis, picturis, sculpturis, fons et causa laudis atque approbationis qua recensentur? Quare etiam Critica maxime versatur in examinanda hac operum exactitudine et accuratione; cumque illa omnem eruditionem consideret cognitionum certarum beneque digestarum coagmentationem, requirit non modo ordinem quemdam, rationem et modum, sed etiam perfectionis absolutionem. Ita, ut vera laudanda ostendat se in producendis ingenii operibus praeclaris semper sollicitam et diligentem; neque incipiat solummodo, sed perficiat, et in expoliendorum operum cura solertiaque patienter obduret; in Taraxaci morem nunquam floreat, cujus aureorum foliolorum splendor cito perit, mutatus in pilam pilosam, quam aurae subtilis spiritus removet. Quicquid in ea sciatur, ejus sit scientia certa, demonstrata, et completa. Tunc non verendum est, ne falsa pro veris tenendo, discrepantia commiscendo, incomparabilia comparando, rei peritorum risum et criticorum reprehensionem experiamur. Erimusque nobis ex rationibus sufficientibus et argumentis claris certitudinis conscii, cuilibet adversario pares et ad repellendum fortes. Praeterea, quod talis scientiae firma certitudo eruditionisque fortitudo vel audientibus vel videntibus jucundissimum praebet spectaculum, cui applausus nunquam defecerunt.

Sed, quamvis praeclara sit et non nisi magna virium contentione acquiratur scientia vasta accurata et solida, non a superficie libata sed ex profundis hausta, tamen sola ad magnae eruditionis famam non sufficit. Opus praeterea est prompta, quae nobis ita in potestate sit, ut facile et statim sine sollicita preparatione se offerat occurratque ubivis in tempore velut officiosa quadam apparitione. Nam semper nobis displicet observatio dif-

ficulatum, quae in opere aliquo artificii se offerunt; animique curas, quibus ille excrucietur in labore, nosmet ipsi cum fastidio molestiaque sentimus spectatores. Quo faciliorem vero rem ei succedere videmus, tanquam in partu felici, eo majoris voluptatis afficimur sensu, eo liberaliores sumus in laude, eo propensiores ad reddendos magnos applausus. Neque apud eum tunc parvo excipimur convivio, cum qui copias paratas semper tenet neque quotidie aliena auxilia circumspicere coactus in diem quaesitis modo vivit, plerumque liberalitate ad benefaciendum multisque multa impertiendum ducitur. Quare parata et prompta doctrina in lucem prodire nunquam timet, imo libenter conspici vult, ubi potest cum quam plurimis se profundens tantoque libentius, quanto magis profundendo augeri et saepe tradendo certius fieri sentitur.

Eruditionis, quae ingenii et mentis divitiis abundat, simillima ratio est, ceterarum divitiarum. Nisi conjuncta appareat cum largiendi cupiditate et cum aditus facilitate, quae semper minuit invidiae vim, vel animi illiberalis vel ipsius paupertatis suspicionem excitat; cum pauperes ipsa necessitas, avaros vitium, facit tenaces, in tradendo parcos et tardos. Praeterea falsorum est meritorum natura, quod rudes faciant et inaccessibiles viros, qui in propriae imbecillitatis conscientia faciem praebere timent, neque se ostendunt ac quando imponere volunt. Contra verorum, quod, qui ea habent, semper libere agunt, ingenue, molliter, familiariter, populariter; movendi et tractandi, nihil in propinquiore cognitione amittentes, majorem potius sui admirationem excitantes, in inferiores proclives, in superiores officiosi, animo nobiles. Et qui ita se gerendo humanitatem veram exercent, hujus summae virtutis seduli magistri et exempla, dili-

gantur a viris et mulieribus, a senibus juvenibusque; eorumque laudes in omnibus societatibus audiantur. Caveamus igitur, ne communicationis inopia et aditus difficultate, aut animi timiditate, ignorantiae et imperitiae speciem accipiamus, videamurque aliis, neque capacium ingeniorum cupiditatem explere, neque lentorum tarditatem incitare posse; quod ignominiae potius quam laudis fructum praeberet. Contra, simus affabiles, quaerentibus faciles, in docendo et scribendo largi, et, ubi convenienter fieri potest, ex eruditionis nostrae copia ultro offerentes quid aliis proficere quid eos delectare possit; semper miscentes utile dulci. Consideremus, eruditionem inter bona esse referendam, quae ad communem hominum usum spectant, et quorum communitas est sancte servanda; eo magis, cum hoc habet cum vi magnetica commune quod utraque semper sine detrimento et diminutione commodari tribuique possit, semperque sit utilis iis qui accipiunt, dantibus non molesta. Quod praeclare in prisci cujusdam poetae romani dicto exprimitur:

„Homo, qui erranti comiter monstrat viam,

„Quasi lumen de suo lumine accendat, facit:

„Nihilominus ipsi luceat, cum illi accenderit,,

Atque in hac eruditionis communicatione liberali, quae gloriam afferre debet, profecto maxime valet orationis vis et eloquentia, tum in sermonibus tum in scriptis. Est enim oratio facilis, distincta, accurata et elegans summum eruditionis ornamentum non modo, sed etiam res ei maxime necessaria. Ut in quacunque lingua, qua uteris, pure loquaris et scribas, ut plane et dilucide, tum ut ornate, eleganter et ingeniose, sed semper ad rerum dignitatem apte et decore: requirit tum utilitatis ratio, tum debita auditoribus et lectoribus observantia. Oratione

enim neglecta aut omnia non, aut non recte, aut non a multis et ab his vix, intelligeris; verborum obscuritate et inelegantia deterrebis a cognoscendo, cum plus laboris et molestiae esset sustinendum quam utilitatis inde sperandum; eloquentiae incuria fastidium somniumque offundes vel audientibus vel legentibus. Et linguarum politissimarum, tum veterum, tum recentiorum, praesertim latinae et gallicae, imperitia ex limpidis humanitatis fontibus eruditionis copias deliciasque neque ipse hauriendo neque alios ad hauriendum ducendo unquam laetaberis. Et quis non intelligat? hanc linguarum peritiam et orationis solertiam prae ceteris adhibendam esse, quando de rebus abstractis et novis disseritur, in quibus intelligendis ipsa novitas et comparationis defectus obscuritatem et difficultatem augent. Quia hanc legem neglexerunt et illud Ciceronis praeceptum: „melius est eloqui bene, modo prudenter, quam vel acutissime sine eloquentia cogitare.“, Malam sortem experti sunt inter recentiores Germaniae philosophos non pauci; qui, vel propter bene dicendi inscitiam verborum potestates usitatas non assecuti, iis temere mutatis aut novis veterum rerum verbis excogitatis se novas res ingenio excogitatas protulisse, opinarunt; vel nimio et stulto in ingeniorum suorum natos amore capti, de eorum educatione incuriosi, eos in hominum cultorum societatem emiserunt barbaros et incultos, ubi neque patrum famam divulgaverunt neque sibi favorem benevolentiamque diuturnam et perpetuam pepererunt. Idemque experiuntur, qui de rebus mathematicis in communi vita applicandis disserunt, si formulas algebraicas omnibus paginis aspergunt, neque investigationum resultata et problematum regulas sermone vulgari et verbis usitatis tradere curent. Eorum scientia hieroglyphica nonnisi ini-

tiatis, quorum non multi sunt, prodesse probarique potest; sed iis, qui ea potissimum opus habeant utique velint, obscuritate involuta sterilis et injucunda debet apparere, utilitatis et praestantiae laudum expers. Contra, quanta voluptate et quo fructu audiuntur legunturque bene et eleganter tradita? etiamsi difficilia intellectu et acerba. Imo, laudatur saepius oratio praeclara sola, quando res et sententiae minus valeant. Sed, ne artis dicendi praeclarae vim in producenda eruditorum gloria nimiam declarare videamur, confitendum nobis est, eam solam, quae cum rerum et sententiarum praestantia et copia conjuncta non sit, omnino non sufficere; et cavendum esse ab altera parte, ne, qui hujus artis ornamentis nimis et inconsulte studeant, in garulitatis inanis vitium labantur ideoque reprehendantur.

Non autem consentaneum est, qui ignorantiam inscitiamque superarit, eum frangi cupiditate; nec, qui invictum se a labore praestiterit, eum vinci a voluptate. Quare necesse est, ut cum eruditione magna sit vitae moderatio morumque puritas et elegantia conjuncta, si vult imprimis a bonis probisque et in hominum politorum societatibus laudari. Supponitur enim et jure, ingenii cultura, quam doctrina excellens et laudabilis efficit, voluntatis ferocitatem mitigari, ejusque nisus appetitusque nobilitari. Quo nobilis voluntatis exercitio non solum aliorum approbationem et recommendationem nanciscimur; sed etiam ipsi in doctrinae nostrae usu fortunatiores erimus. Semper nocuit eruditorum famae morum rusticitas, decori negligentia, amoris et potus incontinentia; nocet ei calumniae, cavillationis et ludificationis pruritus; nocet disputationis pertinacia, superbia et arrogantia; nocet ludorum et recreationum vulgarium nimius amor, quibus cogitationes distrahuntur, animus ad novos labores non

roboratur, ingeniique acumen perditur; nocet denique pecuniae quocunque modo coacervandae aviditas, cum nihil sit tam angusti animi tamque parvi quam amare divitias cum avaritia et cum quaestu turpe. Eripit enim ea animi nobilitatem et libertatem, pro qua eruditis viris omnis debet esse contentio, eo major, quo certius est, vivendum esse in mundo, ubi tum vitae necessitates, tum rei familiaris cura, tum liberorum educatio, tum aliorum hominum cupiditates, hanc animi libertatem saepius turbant. De hac autem libertate loquor, quam Horatius praeclarissime descripsit, dicens:

„Quisnam igitur liber? sapiens, sibi qui imperiosus,
 „Quem neque pauperies, neque mors, neque vincula terrent:
 „Responsare cupidinibus, contemnere honores
 „Fortis, et in se ipso totus teres et rotundus,
 „Externi nequid valeat per leve morari; in
 „Quem manca semper ruit fortuna.,,

Nec ob hanc causam imperia avide expetenda esse videntur a viro docto, qui famae suae eruditae sapienter prospicere vult; cui potius vacandum est ab omnibus negotiis heterogeneis et ab omni animi perturbatione: tum cupiditate et metu, tum aegritudine et iracundia, ut semper tranquillitas et securitas adsit, quae affert constantiam et dignitatem. Quam in Socrate fuisse accepimus, praeclaram nempe in omni vita aequabilitatem, eundem semper vultum, eandemque frontem. Sed si a negotiis publicis vacuum esse utile judico gloriae eruditorum, non omnem intelligo negotiorum vacuitatem. Sunt enim omnino talia, quibus perficiendis non solum doctrina augeri sed etiam gloria erudita comparari potest: ea scilicet, quae sine scientia et arte nun-

quam perfici possunt. Quare qui in his versantur, habent et doctrinae ostendendae et famae acquirendae occasionem bonam.

Quid tandem doctrina, vel sola memoria concepta, vel compilatione formata, proprio studio neque aucta neque perfecta, ad gloriam comparandam faciat? Nisi forsàn memoriae vis in ea laudetur, ipsa nunquam celebrabitur; et compilatae ipsa rerum furto ablatarum conditio odiosa non prorsus immerito tribui solet. Quare eruditis viris in gloriae ambitione id maxime nitendum esse videtur, ne apibus terrestribus similes appareant, de quibus dicitur, eos nutrirì aliarum apium melle, ex quo sanitatis magnique voluminis splendorem succipiant. Sed ut ipsi undequaque utilitatis et dulcedinis materias collegerint, ut industriae officinas proprio labore fabricaverint, utque bona digestionem in succum et sanguinem versa reddant collecta ingeniorum suorum nutrimenta, quae prosint et delectent; in quibus rebus apibus veris similes se ostendant; id maxime semperque curandum est eruditis. Nam displicent, et furibus ipsis, rapinae; improbatur iis facta locupletatio; non delectat ornatus furtivus. Placent vero et laudantur ab omnibus proprio studio et labore parta, propria opera elaborata et polita.

His ergo virtutibus: doctrina propriis studiis parta, magna, accurata, solida et prompta, communicationis liberalitate, orationis vi et elegantia, morum innocentia, industria et operibus, excellentes eruditi, quomodo unquam possint esse incerti de fama et gloria, tam firmis materiis structa, tam immobilibus fundamentis imposita, ut neque fortunae temeritates neque inimicorum injuriae eam labefactandi vim habeant? praesertim, si non exposcant sed expectent modesti, quid homines, semper de eo quod verè utile, magnum, rarum et insolitum sit, iudices

justi et severi, iis tribuant. Et mente illuminata praediti, quales eruditio vera semper formare debet, cur non modesti sint? et non sibi de meritorum suorum paucitate persuadeant? considerando, eos in morte relinquere mundum, qui eorum jacturam vix sentit, et in quo a quamplurimis eorum loca possunt repleri; esse etiam in aliis hominum ordinibus, inter rusticos, milites, artifices, religionem et res publicas administrantes permultos admirabiles et excellentes viros, de quibus mortuis vix per biduum, viventibus vix ulla, mentio fiat.

Si autem non solum excellimus in scientia nostra vel arte, sed eam quoque ad majorem et insignem perfectionem perducimus; tunc constans nobis erit fama et crescet indies cum inventis et novis detectis, quibus scientia et auctoris gloria simul amplificatur. Sunt enim inventores generosi donatores, qui non reddunt modo quod veterum autorum studio acceperint, sed ad communem utilitatem tradunt sua, antea a nemine possessa, honestissimo modo acquisita: Bacones, Newtoni, Cassini, Galilaei, Euleri, Lavoisieri, Herschelii, Linnei, Cooekii, Buffoni; heroibus similes viri, ex quorum victoriis et expugnationibus humano generi fructus novi vicissitudinesque felices resultant. Talibus viris, quorum ingenia non minus vasta, quam scientiarum et artium, quas profitentur, campi fuisse et esse videntur, qui quasi ex arte exeunt; praecepta, quibus ad magna et ad sublimia non ducuntur, contemnentes; qui socios linquentes soli incedunt, alta scandunt et in longinqua tendunt, animis securis et successu, qui interdum ex regularum neglectu producit, confirmatis; talibus inquam eruditis eorum ipsa opera sunt monumenta gloriae aere perennia, quae nullius posteritatis oblivione extinguuntur. Et tandem, qui ad summum perfectionis gradum scientiam vel

artem suam attollerint, ponantur in eodem gloriae gradu cum ceteris celeberrimis viris, quorum nominibus eximiam in suo genere praestantiam exprimere jam adsuescimus; cum nobis Homerus et Virgilius non sint poëtae simplices, sed Homerus et Virgilius; Demosthenes et Cicero, non oratores, sed Demosthenes et Cicero; Tacitus, non historiographus, sed Tacitus; Newton et Euler, non Mathematici, sed Newton et Euler; Correggio et Raphaël, non pictores, sed Correggio et Raphaël.

Denique summa et pene divina admiratio fit iis, quorum ingenia, non unam vel alteram scientiam tantummodo excoluerunt et perfecerunt, sed multarum fere omnium, specie etiam disparum, scientiarum et artium, earumque non leviter sed solide cognitarum, ambitum complectuntur: rarissima quidem in eruditorum luminum sphaera phaenomena, sed quae interdum apparent disparentque sicuti stella Tychonis; quamquam homines parum videntes omnino comprehendere nequeunt talem ingenii universalitatem, excludentes soliditatem, in quo vident cognitionum varietatem cum amoenitate et elegantia conjunctam; et dubitantes de ingenii profunditate, reflexione et sapientia, ubi corporis et morum culturam, dexteritatem, mansuetudinem, hilaritatem et sociabilitatem animadvertunt. At, quia talpis in terrarum tenebris concessum non sit, camporum, pratorum, sylvarum, fluminum, et montium varietatem amoenitatemque uno intuitu circumspicere, hanc etiam oculorum aciem aquilis in sublime aëre pendentibus stulti abjudicemus? Neque profecto ingenii humani spatium adeo arctum et limitatum, ut non in plures etiam diversissimas res vim suam exerceri extendique possit, arbitremur. Neque adeo a se invicem separatae sunt scientiae humanae et artes, ut non ab una ad alteram facilis sit

transitur; sed potius vinculi quasi continuitate inter se cohaerent, cum in omnibus colendis iisdem animi facultatibus: phantasia, memoria, acumine, utendum sit. Imo, affinitatis, ut ita dicam, sustentationem mutuam sibi invicem praebere videntur, ita, ut unius possessione et ceterarum acquisitio haud parum faciliatur.

Studeamus igitur, juvenes Nobilissimi, tali ingenii culturae universaliori, fortuna nobis in hac Universitate occasionem praebente. Imitemur Platones, Aristoteles, Cartesios, Newtonos, Leibnitzios, Melanchthones, Scaligeros, Peirescios, Ruhnhenias, Brunkios; in omnem admirabilem doctrinam amore incensi; quicquid ingenium acuat, phantasiam illustret, memoriam ditet, amplectentes; quicquid honorem afferat sequentes; quid sapientibus placuit nunquam contemnentes; ad animi excelsam nobilitatem, ad heroismum usque, ad magnanimitatem eruditionis, appetamus, deo favente.

Sed de his alio tempore. Jam admonet me, Auditores Nobilissimi omniumque ordinum Honoratissimi, vestra humanitas et venustas, ne dissertationis meae continuatione videar vestra patientia abuti. Ergo, pace vestra, sufficiant pro tempore, quae dixi de gloriae ambitione, quam eruditorum dignitas postulat. Finem faciant, quae ab antiquissimo Graecorum poëta decantata in Anthologia Brunkiana relata habemus:

Στῆλαι καὶ γραφαῖδες καὶ κυρβίαι, εὐφροσύνης μὲν
 αἰτία τοῖς ταῦτα κτήσανεσσι μεγάλης.
 ἀλλ' ἐς ὅσον ζῶσι. Τα γὰρ κενὰ κυδεα Φωτῶν
 ψυχαῖς οἱ χομένων ἔμματα σμυφερεται.

ἡ δ' ἀρετὴ σοφίης τε χάρις καὶ κείσε συνεργεῖ,
 καὶ νῦν αὖτε μιμνᾷ μνηστῶν ἐφελκομένη.
 ἔστω δὲ Πλάτων βρενδυέται, ἔστω γ' Ὀμηρος
 χρωμασθῶν ἢ σῆλαις, αἶψα μὲν σοφίῃ.

Et nunc, Auditores, Viri Excellentissimi, Nobilissimi, Clarissimi, Doctissimi, omniumque Ordinum Honoratissimi, officio nostro dulcissimo satisfaciamus, mentem animumque revertentes in *Eum*, qui sapientia, consilio, et factis Imperii non minus quam Imperantis ipsius gloriam auget; in *Augustissimum Caesarem et Clementissimum*, cujus auspiciis et optima tutela nostram gloriae ambitionem feliciter persequimur. Nunc *Patris Patriae Verissimi* laudes celebremus animo devotionis et gratiarum plenissimo, in hujus laetissimi diei solennitate gratulabundi *Ipsi*, imperio et nobis.

Agnoscimus enim in *Alexandro*, quem cum Enthusiasmo dicimus *Nostro*, sapientissimum principem hujus aetatis, qui instar dexterrimi gubernatoris per tot tantasque Europae procellas imperii navem felicissime regit; *cujus* prudenti constantiae hoc maximum bonum, quo fruimur, debemus: quod belli tumultus procul a nobis sunt, et (liceat cum eruditissimo poëta loqui) magnam maris tempestatem et laborantes in fluctibus naves e terra videamus sine proprio periculo.

Hujus autem tanti boni auctorem amabilem statoremque admirari, venerari, amare, nos instigat non solum proprius animi motus, sed suadet etiam felicitatis cupiditas nobis, qui tantae suavitatis sensu deliniti *Alexandrum* novimus aliis etiam virtutibus magnum et talem principem, qui summam imperii regendi gloriam ponit: in fundendis et instituendis per totum imperium

scholis; in exhortandis juvenibus ad magnum scientiarum discendarum ardorem; in promovendis artium omnium culturis; in protegendis omnis humanitatis juribus; in populorum copiis diligenter conservandis, benigne fovendis ac omni ratione augendis, ita ut nemo ei subditorum sit, qui paterna *Ejus* indulgentia non quotidie fruatur, interea ceterorum Europae regnorum cives miseriis et omnis generis vexationibus excruciantur.

Cum nos talem verissimam amabilemque magnitudinem venerabundi spectamus atque hanc patriae felicitatem intelligimus, Cives, nostrum est, hunc sensum proferre in publicum, eoque proferendo utcunque gratum adversus *Patriae Patrem Benignissimum* animum nostrum declarare. Agedum, testificemus hanc gratam laetitiam pietatemque: *Euergetae* et *Soteris* cognominibus appellemus more Graecorum veterum *Alexandrum nostrum*; et promulgemus toti terrarum orbi *Caesaris Clementissimi et Humanissimi* summas virtutes et laudes, ut omnes felicem populorum Rossicorum sortem intelligant, et in concentum votorum pro *Sapientissimi, Indulgentissimi et Optimi Principis* vita longissima, fortuna et salute perpetua nobiscum coëant:

Vivat! Vigeatque Alexander!

Principum Decus, Populorum Pater, Humanitatis Defensor et Conservator, Scientiarum et Sapientiae Promotor, Prosperitatis nostrae Benignissimum Numen!

Huth.

O D E
A U F
ALEXANDER DEN ERSTEN,
KAISER VON RUSSLAND.

AN SR. KAISERLICHEN MAJESTÄT NAMENS - TAGE;
den 30 August 1809.

Hohe Bewundrung erfüllt mich heute,
Blick ich zu deinem Throne hinauf, vor
Allen Völkern du hoch - beglückte Rufsia!

ALEXANDER, unter den Herrschern ein Gott, **DEN**
Seh' ich mit Vaternilte das goldene Scepter führen.

Heil dir! daß **IHM** du Leben und Treue weihest,
Dem der heiligen Menschlichkeit Genius, als die
Erd' **IHN** empfing, erschien, **SEINES** Lebens Gefährte.
Aller Liebenswürdigkeit herrliches Vorbild,
Küßt **IHN** die Muse, lächelt die Grazie **IHM**,
Lehrt' **IHN** der Weisheit Göttin die größte der Künste.
Jetzt verkünden jeden Tag Entwurf und That den
Staatserfahrenen Regenten. Des größten der Reiche
Schweres Ruder faßt er mit sichern Händen,
Lenkt es im brausenden Sturme mit göttlicher Klugheit;
Deiner Wohlfahrt mächtgen Aegide,
Feuriges Volk mit Riesenkraft!

Heil dir! glückliche Rufsia!
 Erkohrne zur Völker-Regentin!
 Freu dich des herrlichen Looses!
 Wonnetrunken frohlocke!

Thetis Waage in der Rechten, in der
 Linken Hebes Nektarschaale,
 Trinkt dein Zevs; und Freuden Schauer
 Bebt durchs ganze Reich:

Dir wiehert dein muntres
 Ross; dir ackert dein kräftiger Stier; dir häufet
 Ceres die körnigten Garben; dich kleidet dein Widder,
 Schürmen gegen des Nordosts tödtenden Frost im
 Köstlichen Schmuck deiner Wiesel seidene Pelze.
 Dir nur spinnet am Kaukasus die Raupe,
 Schwimmt der Stör in Caspias Netze,
 Thränet auf Tauriens Hügeln Freude die Rebe,
 Wird der Metalle König gehoben aus Asiens Klüften:
 Feindlicher Gier nicht Beuten.

Und schreckt des
 Wilden Mars Karthaunen Donner dich?
 Brennt dein Haus von Schlachten - Wuth gezündet?
 Deine Felder dampfen sie vom Blute deiner Helden?
 Fechten nicht auf Feindes Boden deine Krieger?

Dort ersiegen sie Ruhm und Macht dir, ihrem
Heldenvolke tapfere Brüder erringend,
Aedlern Ursprungs Sklaven Befreier.

Und dein Titus, **ALEXANDER**, ist nur Mars um
Friedensgott zu seyn. **ER** schlägt mit
Ehrnem Scepter die Besiegten nicht; **ER**
Schützt sie, macht sie menschlich ädler.

O! wie herrlich wird forthin die Menschheit reifen!
Von Monarchen, wie von **IHM**, geehrt, befördert.

Heil dir! glückliche Rufsia!

Freu dich des herrlichen Looses,

Menschen - Adel zu säen!

Wonnetrunken frohlocke!

Horch'! Es schallet **DEM MENSCHLICHEN KAISER**

Fernher aus Ost und West, aus Süd und

Nord, des Fremdlings williges Lob. Es

Tönen süsse Worte des Beifalls

IHM von Elysium her; du erkennst des

Großen Ahnherrn ermunternde Stimme:

„Wohl! Vollender, Bildner, meiner Schöpfung!

„Sende fürder deinen muthigen Schiffer,

„Japans klippenvollen Küsten trotzend,

„Hin in beider Hämishären Oceane.
 „Mache unser Volk zu Neptuns Günstling.
 „Oeffne fürder Du der Weisheit Pforten
 „Rufslands Söhnen. Mache sie zu Forschern
 „In der Tellus Fluren, Meeren, Tiefen,
 „In des Aethers blauen Höhen;
 „In dem Buch der Zeit zu weisen Forschern;
 „Edelmuths und reiner Sitten Lehrern;
 „Sichern Stützen sinkender Gesundheit;
 „Vaterlandes künstlichen Beschützern.,,

 „Und du, Volk mit hellen Sinnen, tapfern Händen!
 „Wirst forthin der alten Erde,
 „Die noch finstre Nacht bedeckt,
 „Geistes Sonne seyn; wirst jedes Volk durch
 „Wissenschaft besiegen, wie durch Waffen.
 „Hohe Kunst der Griechen, Römer, Britten,
 „Franken, und Germaniens tiefer Geist, sind dein,
 „Sich verschmelzend mit dem Eignen deines Wesens.,,

Hör dieser himmlischen Weisheit Verkündung:

Dazu will dein **KAISER** dich erheben.

Fühlst du dieses Willens diamantnen Werth? Dann

Dränge dich heut im dichten Chor um

IHN, DEN LIEBENSWUERDIGEN WEISEN.

Sing in hundert Sprachen **SEIN** Lob! O!
 Brauset in unsern Lobgesang, fernen Kamtschatkas
 Wellen, Felsen und Gestade!
 Rauschet, ihr schattigen Eichen an der Donau,
 Und ihr Tannen - Gipfel an dem Baikal!
 Balthus und des Pontus Nymphen,
 Lispelt im Schilfe wonnige Lieder!
 Flechtet, Circassias liebliche Jungfraun,
 Lorbeerkränze! Windet zu Eichenlaub Rosen,
 Aedle Töchter von Charkow und Moskau!
 Schmiedet, Altais Vulcan', ein Diadem von
 Gold! und schmückt's, Geweihte Merkurs, mit
 Steinen Golcondas!

Feiert, ihr Musen, euerm Schutzgot!

Stellet **SEIN** Bild auf euerm Altar!
IHN verewigt in Jubelchören!
IHN erhebt auf Uraniens Sternenburg!
 Singt dem schönen Stern in Norden,
 Lenkern einer halben Welt,
 Schwestern auf dem Helicon,
 Eure hohe Hymne!

GROSSER HIRT VON HUNDERT VOELKERN!
 Hygiäa schürme **DICH!**

Völkerliebe sey Dein Panzer!

Sie umringe **DICH** mit Millionen

Streitern, tapfern, klugen, sieggewohnten!

Einer starken Burg von Helden,

Die kein Feind zu stürmen wage!

SCHUTZGEIST DEINER HUNDERT VOELKER!

Hygiäa schürme **DICH**!

Völkerlieb' umarme **DICH**!

Sie entzücke **DICH** an treuer

Brust durch heil'ge Wonne,

Die mit Amaranthnem Laube

Ewiggrün den Thron umschlingt!

VATERLANDES BESTER VATER!

Hygiäa schürme **DICH**!

Süße Völkerliebe streue

Ganzer Wälder Blüthen - Düfte

DIR auf langem Lebens - Pfad!

Sie geleite spät **DICH** zu dem

Tempel der Unsterblichkeit!

Huth.

II.

О томъ, что каждому народу нужнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ Государствъ.

Почтеннѣйшее Собраніе!

Съ досподолжнымъ благоговѣніемъ празднуя всерадостнѣйшій день сей, день Тезоименичества Всемилоствѣйшаго Нашего Государя ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I, Государя кропкаго, челоувѣколюбиваго, мудраго, благо подданныхъ собственному предпочитающаго, естли бы возможно было намъ проникнуть внупренность сердецъ всѣхъ и каждого вѣрнаго сына Россіи, каждого въ полной мѣрѣ ощущающаго свое благоденствіе, какое проглательное открылося бы намъ зрѣлище! Какую увидѣли бы мы пріятную разнообразность взаимно согласныхъ впрочемъ чувствованій къ Августѣйшему Нашему Монарху, чувствованій живѣйшей благодарности! Какую жертву благодаренія приносятъ Всемилоствѣйшему Государю Своему благородное Дворянство за возстановленіе прежнихъ и приумноженіе новыхъ ему преимуществъ? Какою неописанною радостію восхищаются нынѣ мужественные защитники святыя вѣры, церкви, чести и славы Монарха Своего, безпрепятственно шествуя на пораженіе непріятеля, бывъ совершенно обезпечены не только въ разсужденіи самихъ себя, но даже и относительно остающихся

семеѣствѣ ихѣ! Онѣ призрѣны самимѣ Монархомѣ. Какимѣ благоговѣніемѣ исполняется, произнося священнѣйше Имя Самодержца Своего, возвышенное имѣ Духовенство? Какую благодарностѣ чувствуютѣ купечество, кѣго нарушенныя права паки возстановлены, торговля ободрена и разпространена, способы облегчены и всѣ вредныя для нея препятствія удалены, уничтожены? Нѣтъ по истиннѣ состоянія, нѣтъ даже вѣрноподданнаго, копорый бы не былѣ участникомѣ Монаршихѣ милоспей, и слѣдовательно нѣтъ ни одного изѣ насѣ, копорого бы сердце вѣ нынѣшній день не восхищалось живѣйшею радостію!

Что же скажемѣ о сословіи ученыхѣ, на копорое Онѣ преимущественно изливаетѣ щедроты Свои? Что скажемѣ о всѣхѣ тѣхѣ, кои посвящаютѣ себя наукамѣ? Не лѣзя изображать словами той величайшей благодарности, какую чувствуютѣ они къ Августѣйшему Своему Самодержцу, открывшему пути къ образованію юныхѣ сердецѣ и источники къ просвѣщенію умовѣ ихѣ, да чрезѣ то содѣлаются они достойными Его подданными и вѣрными сынами препрославленной и возвеличенной Россіи.

Блаженѣ народѣ, живущій подѣ сѣнію Монарха, почитающаго день погѣ погибшимѣ, вѣ копорый не изліетѣ Онѣ благѣ своихѣ на опечесство! Блаженѣ Монархѣ, ежеминутно помышляющій о благѣ Своея державы, созидающій святилища наукамѣ, да чрезѣ нихѣ водворитѣ вѣ Государствѣ Своемѣ незыблемое благоденствіе!

Се чувствованія сердецѣ нашихѣ, нынѣшнимѣ торжествомѣ вдохновенныя! Се чувствованія всея обширныя Россіи! И такѣ, дабы ознаменовать намѣ день сей, слѣдуя бла-

горазумно принятому мѣста сего обычаю, намѣренъ я, съ дозволенія Вашего Почтеннѣйшіе слушатели, рассмотретьъ истинну слѣдующаго нашея Вѣщеносныя Выписашельницы мнѣнія: *каждому народу нужнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ государствъ.*

Извѣстно всякому, что Исторія не есть безполезное повѣствованіе о маловажныхъ съ какимъ либо частнымъ лицомъ или обществомъ случившихся происшествіяхъ, которыхъ слѣдствія не просиравались далѣе тѣсныхъ предѣловъ, сферу ихъ ограничивавшихъ. Она представляетъ намъ преждебывшихъ и нынѣшнихъ народовъ, сіи великія человѣческаго рода семейства, проходящими постепенно различныя возрасты и состоянія, какія находятся между грубости дикаго, непосредственно покровительствуемаго природою, и между просвѣщеннаго гражданина, который силенъ будучи соединеніемъ своимъ съ тысячами, наслаждается въ спокойномъ обществѣ возвышеннѣйшимъ состояніемъ благополучія, какимъ только человѣкъ наслаждаться можетъ. Она непричастна ни предразсудкамъ, ни ненависти, ни ласкательству; но ревностна единственно къ добродѣтели и спрашна порокамъ, и предлагаемою припомъ истинною обязана будучи самому же описываемому ею роду человѣческому, изъ дѣяній коего занимая прогашельныя примѣры, представляетъ оныя для наставленія будущимъ поколѣніямъ. Подобно зажигаемымъ на островахъ усѣяннаго подводными камнями моря огнямъ, для предохраненія мореплавателей отъ кораблекрушенія, возносимъ она благодѣтельный свѣтильникъ свой надъ предковеніями, какія угрожаютъ государствамъ неминуемыми бѣдствіями, а иногда и самыми даже разрушеніями, и по

тому всѣмъ государственнымъ людямъ служить вмѣсто
собственныхъ опытовъ. Безъ нея Правители Государствъ
были бы достойны величайшаго сожалѣнія, а еще болѣе не-
щасливы народы, если бы какое новое поколѣніе лишено
было свѣденія о преждебывшихъ дѣяніяхъ и долженствовало
бы запасать само для себя сію многотрудную и опасную
опытность. Словомъ, Исторія дѣлаетъ насъ современными
опдаленнѣйшей древности.

Но все доселѣ сказанное очень маловажно въ сравненіи
съ тѣмъ, какая произтекаетъ отъ нея польза на всякое
чиносостояніе государства отъ первѣйшихъ онаго особъ до
последняго поселанина. Я не стану говорить здѣсь, что она
воздвигая въ храмѣ безсмертія на воинскихъ знакахъ па-
мятники побѣдителямъ, ублажалъ ихъ яко защитниковъ
отечества, не опѣмля припомъ безсмертія у Государя
миролюбиваго, благоденствіе подданныхъ устроившаго; не
буду упоминать о томъ, что она возлагаетъ неувядаемые
лавры на побѣдоносную главу справедливо начинающаго, бла-
горазумно продолжающаго и полезный миръ заключающаго
Ироя, вѣнчая не меньше и милосердаго и человеколюбиваго
судію, и добродѣтельнаго и ревностнаго просвѣщителя на-
родовъ; перейду наконецъ молчаніемъ и то, что она просла-
вляетъ иройскіе подвиги не въ единыхъ только побѣдите-
ляхъ, но и въ гражданахъ, великія дѣла для блага общаго
совершившихъ, а скажу, что она суровость нравовъ смяг-
чаетъ кропкимъ наставленіемъ, и строгостію законовъ какъ
Божескихъ, такъ и человеческихъ заставляетъ повиновать-
ся законной власти; простой народъ наставляетъ, что мир-
ное и безмятежное житіе и должностей гражданскихъ ис-

полненіе сущь единые блаженства его хранители; осперегаешь паче всего недоразумѣніе народное опь хипрыхъ опечесства враговь, возмущающихъ общеспвенное спокойствіе ропшаніемь, и законопресшупную кь мяшежамь склонность представляешь ему гибелью; руководспвуешь его ко благу и опь зла нравы его опвращаешь, ублажаешь вьру и гнусность безвьріа представляешь ему вь ужасной каршинь.

Изъ сего очевидно, сколь справедливо мнѣніе знаменипаго Цицерона: *Исторія есть свѣтъ истинны и наставница жизни* (а). Ибо, еспь ли какая добродѣшель, кь копорой бы не вперяла она вь насъ любви, дѣлая памянь добродѣшельныхъ людей священною? И еспь ли напрошивь шого какой порокь, копорого бы сна вь безчисленныхъ примѣрахъ не представляла намъ безобразія, гнусностей и самыхъ несчастій, св онымъ неразлучныхъ? Опь преспола до бѣднѣйшей хижины гдѣ можно обрѣсти сосшояніе, которое бы не могло болѣе или менѣе воспользоуаться ея свѣтомь?

Да и подлинно, чпо ошущипельнѣе, чпо живѣе можеть изобразипь намъ слѣдспвіа благонамѣренныхъ и порочныхъ дѣяній, какь не Исторія? Не говоря здѣсь о такихъ лицахъ, кои живутъ вь ней на попъ единспвенно конець, чпобь примѣромъ своимъ успрашаць послѣдоващелей, каковы были Сарданапалы, Калигулы, Нероны, Коммоды и премногіе другіе, она, подобно зеркалу, представляешь очамъ нашимъ знаменипыхъ законодательей, спрогихъ блюспщелей правосудія, пресшупниковъ карашелей и невинности защищниковъ,

(а) Lux veritatis, magistra vitae. De Orat. II. 9.

мудрыхъ, благодѣтельныхъ и для блага общаго нещадившихъ не только собственнаго покоя, но даже и самой жизни какъ Государей, такъ и частныхъ особъ. Таковыхъ- по любимцевъ своихъ истинная слава вписывается въ лѣтописи вселенныя! Какой народъ и какой вѣкъ могутъ быть споль нещасливы, чтобъ не дошли до нихъ имена Ликурговъ и Солоновъ, Аристидовъ иThemistocles, Типовъ, Марковъ Авреліевъ и премногихъ другихъ, кои по смерти своей начинаютъ другое бытіе въ памяти людей, дабы примѣрами своими научать ихъ добродѣтели?

Но естли великіе люди всѣхъ извѣстныхъ народовъ и при томъ опдаленныхъ временъ могутъ служить намъ своими примѣрами, естли знаменитыя дѣянія ихъ, удивляющія опдаленнѣйшія потомства, въ состояніи возбуждаютъ въ насъ всегдашній духъ патриотизма, горячность къ вѣрѣ и усердіе къ Монаршему престолу, яко единымъ надежнымъ средствомъ государственнаго благоденствія, то коль несравненно болѣе должны поощрять насъ къ похвальнымъ дѣяніямъ собственные наши соотечественники, которыхъ бытописание учинило въ потомствѣ ихъ безсмертными? По сей-по причинѣ всѣ народы, не упоминая о просвѣщенныхъ, кои щастливое прилагаютъ попеченіе объ усовершенствованіи всякаго рода наукъ и познаній, всѣ народы и даже въ первобытной дикости пребывающіе, въ числѣ первѣйшихъ необходимыхъ для себя знаній почитаютъ знаніе отечественной Истории, и для того усиленно стараются по крайней мѣрѣ о важнѣйшихъ происшествіяхъ сообщать потомству своему извѣстія въ пѣсняхъ, преданіяхъ и различныхъ видимыхъ изображеніяхъ на томъ единственно концѣ, дабы

оно, удѣляясь дѣянiямъ своихъ предковъ, имъ подражало. Обыкновенiе самое полезное и для рода человѣческаго самое благодѣтельное!

Чтобы не показаться чрезмѣрно пространнымъ, я не буду упоминаеть ни о тѣхъ многочисленныхъ народахъ, у коихъ таковыя средства были и нынѣ еще употребительны, ни описывать тѣхъ способовъ, какими они сообщали потомкамъ извѣстiя о современныхъ имъ происшествiяхъ; рассмотримъ только собственнѣхъ нашихъ биописателей и пишемъ, не было ли и у насъ, подобно знаменитымъ въ древности Грекамъ и Римлянамъ, такихъ мужей, коихъ бы дѣянiя достойны были не только нашего подражанiя, но и удивленiя цѣлаго свѣта, хотя можетъ статься для наибольшей онаго части долго оставались они въ неизвѣстности.

Впрочемъ излишне было бы описывать здѣсь всѣ знаменитые подвиги нашихъ Государей, способствовавшихъ возведенiю Россiи на нынѣшнюю степень величiя, могущества и славы какъ по тому, что оныя всякому довольно извѣстны, такъ особливо по той причинѣ, что *Исторiя Монарховъ, есть собственно, какъ говоритъ одинъ знаменитый писатель, училище самыхъ Государей.* Довольно будетъ для насъ привести на память нѣкоторыхъ частныхъ людей, кои славнѣйшимъ и въ опдаленной древности мужамъ не уступали ни въ великодушiи, ни въ любви и усердii ко славѣ опеческѣва, и коихъ память во всѣ грядущiя времена пребудетъ незабвенною, священою.

Если бы подробно описывать всѣхъ знаменитыхъ Россовъ, учинившихъ имена свои безсмертными, то слово мое было бы, такъ сказать, почти безконечно. Не смотря на

то, что предки наши немного прилагали попеченія, чтобъ передать въ потомство память знаменитыхъ произшествій, а особливо такихъ, въ коихъ отличили себя частные люди, лѣтописи наши сохранили почтенныя имена Переяславца, Захарія Тютчева, Александра Пересвѣта и премногихъ другихъ, копорыхъ дѣянія не уступаютъ славнѣйшимъ Иройскимъ подвигамъ Римскихъ Гораціевъ, Регуловъ и Коклессовъ, подвигамъ, самою отдаленною древностію превознесеннымъ. Не говоря о безчисленныхъ другихъ соотечественникахъ нашихъ, приведемъ только на мысль Минина и Князя Пожарскаго. Да не оскорбится воспоминаніемъ моимъ священная память ваша великіе Ирой, Спасители отечества! Въ какой Испоріи можно обрѣсти подобный примѣръ патриотизма, предприимчивости, неуспрашимости? Много ли въ лѣтописяхъ вселенныя примѣровъ, чтобъ граждане не пощадили имѣнія, женъ, дѣтей и даже собственнѣй жизни для спасенія такого отечества, котораго благосостояніе возстановить не предвидѣли средствъ и самыя первѣйшія Государственныя особы, словомъ, такого отечества, которое спяло уже на самомъ краю своея гибели? Кто же въ такомъ бѣдственномъ положеніи отважился на спасеніе оного? Нижегородскій незнапный купецъ Козма Мининъ. Подлинно, что и въ самомъ низкомъ состояніи нерѣдко бывающъ великія и самыя благородныя души! Сей - по незнапнаго произхожденія, но необыкновенно великаго духа человекъ, узнавши о плачевномъ состояніи Всероссійской Столицы, а съ нею вмѣстѣ и всего Государства, рѣшился предпринять избавленіе оного. Съ чего же началъ онъ сіе всякое въроятіе превосходящее дѣло? Является въ полномъ собраніи согражданъ своихъ, и про-

стымъ природнымъ краснорѣчіемъ, но пвердымъ и важнымъ
 голосомъ увѣщаваеиъ свою собраіію: „видимъ, любезные
 „сограждане, видимъ пеперь, говорилъ онъ имъ, конечное
 „уже разореніе царства Рускаго, а помощи и очищенія ему
 „ни откуда не чаемъ; и буде опечесиво ваше и православная
 „вѣра люба вамъ, то употребимъ на жалованье рапнымъ лю-
 „дамъ все наше имѣніе, и буде не доспанеиъ, продадимъ дома
 „наши, зложимъ женъ и дѣтей нашихъ; примѣръ нашъ конеч-
 „но возбудитъ къ подражанію и другіе города, и самъ Богъ бла-
 „гословиитъ усердное начинаніе наше. Еспьли же мы помремъ
 „защищая опечесиво, то праведный мздовсздаиель Господь
 „вѣнцами мученическими наградитъ насъ. И пако расположася
 „поищемъ Полководца, копорый бы войско собравъ и успроивъ
 „по обычаю, пошелъ съ нимъ прямо подъ Москву,.. Съ чув-
 ствипельнымъ прискорбіемъ произнесши слова сіи, первый
 опдаеиъ свое имѣніе и пѣмъ въ сердцахъ согражданъ сво-
 ихъ воспламеняеиъ опечесивенными нещасіями упушен-
 ный папріопизмъ. Всѣ единодушно слѣдуютъ его примѣру,
 и тлавнымъ предводицелемъ внезапно родившагося ополченія
 избираютъ мужа, прославившагося храбросіію, благоразу-
 міемъ и усердіемъ къ опечесиву, и при защищеніи онаго
 покрывшагося уже многими ранами, Князя Димитрія Михай-
 ловича Пожарскаго, вмѣщавшаго въ себѣ великія качесива
 Римскихъ Эмилиевъ, Камилловъ, Цинциннаповъ и Сципіоновъ.
 Такимъ образомъ Мининъ и Князь Пожарскій, сіи вѣрные
 сыны нещаснаго опечесива, примѣромъ своимъ ободряютъ
 другихъ и пѣмъ навсегда спасаютъ оное отъ поспыднаго
 порабощенія иноплеменныхъ.

Таковыя примѣры, какихъ, хотя въ другомъ видѣ, лѣтописи наши сохранили немало, преимущественно предъ иностранными заслуживаютъ особенное наше вниманіе, удивленіе и подражаніе. Ибо неоспоримо, что домашнія и ближайшія произшествія гораздо сильнѣе на насъ дѣйствуютъ, нежели чужія отдаленнѣйшія по тому наипаче, что мы всегда чувствительнѣе бываемъ къ дѣламъ своихъ соотечественниковъ, нежели къ дѣламъ мало извѣстныхъ намъ народовъ. Заслуги отца или дѣда какъ бы насильно убѣждаютъ сына или внука подражать добродѣтелямъ оныхъ. Россіянинъ несравненно сильнѣе содрагается душою, слыша о славныхъ дѣяніяхъ Петра Великаго, нежели о побѣдахъ Македонянина, въ отдаленности мѣста и времени отъ насъ жившаго и при томъ никакой связи съ нами не имѣваго. Гораздо больше поражается Россіянинъ удивленіемъ и исполняется нѣкоего благоговѣнія, слыша о папріотическихъ поступкахъ сего Капона, Князя Долгорукова, нежели читая Исторію Греческаго Ариспида, прозваннаго Справедливымъ. Словомъ, Исторія наша весьма изобильна и можетъ быть болѣе заключаетъ въ себѣ важныхъ произшествій, достойныхъ подражанія дѣяній и знаменитыхъ героическихъ подвиговъ, нежели лѣтописи нѣкоторыхъ другихъ Европейскихъ народовъ, кои преимущественно одинъ предъ другимъ почитаютъ себя просвѣщенными. Нынѣ мало уже изъ насъ такихъ, кои бы усумнились, что и мы имѣли своихъ Кодровъ и Леонидовъ, своихъ Кесарей и Помпеевъ, своихъ Цицероновъ и Тишовъ Ливіевъ, и къ несчастію своихъ даже Капилиновъ.

Разсмотрѣвъ, сколь полезно для всякаго знаніе отечественной Исторіи и какое она имѣетъ надъ нами дѣйствіе,

за нужное почитаю упомянуть нѣсколько и о томъ, что не менѣе полезно и нужно прилѣжное вниманіе и тщательное познаніе положенія и состоянія своего отечества, его соотношеніе къ другимъ державамъ, его древностей, мѣстныхъ обстоятельствъ, различныхъ народныхъ обыкновений и по тому подобныхъ предметовъ. Ибо не зная особенностей, которыя отличаютъ его отъ другихъ странъ, все равно, какъ быть въ самой отчизнѣ своей иностранцемъ. Прилично ли желать намъ, чтобы имѣть подробное свѣденіе о мѣстоположеніи и состояніи чужихъ земель, о блескѣ и огромности пышныхъ и гордыхъ столицъ Европы, когда между тѣмъ, оставя премногочисленные въ нѣдрахъ отечества нашего обитающія племена, для всякаго просвѣщеннаго достойнаго особеннаго замѣчанія по разнообразному роду ихъ жизни, по странности одѣяній и украшеній тѣла, по разности употребленія и способовъ къ своему содержанію, и что еще важнѣе, по чрезвычайному различію въ вѣроисповѣданіяхъ, общественныхъ учрежденіяхъ и нравахъ, будемъ безъ всякаго вниманія равнодушно смотрѣть на многочисленные общепользныя заведенія Санктпетербурга, или на почтенныя древностію зданія Москвы, гдѣ поодику еще оцупительны слѣды премногихъ поколѣній, которыя были свидѣтелями славы или несчастій минувшихъ столѣтій? Не уже ли менѣе вниманія нашего достойны великій Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, нѣкогда знаменитыя Столицы Россіи, нежели бѣдныя развалины Вавилона, Мемфиса, Аѳинъ, Палмиры и безчисленныхъ другихъ, которыхъ послѣдніе остатки время погребаетъ въ молчаніи? Изъ нашихъ древнихъ городовъ нѣтъ ни одного, который бы не былъ ознаменованъ какимъ

нѣбудь важнымъ произшествіемъ, и который бы самъ не могъ служить содержаніемъ особенной Исторіи.

И такъ намъ ли, кои ходимъ по землѣ, обогрѣнной кровію предковъ нашихъ и прославленной важными предпріятіями и знаменитыми дѣланіями нашихъ Князей и Полководцевъ, намъ ли бытъ сполько неблагодарными, чѣобы къ мѣстамъ симъ не имѣтъ никакого уваженія, смотрѣтъ на нихъ съ хладнокровіемъ безъ всякаго вниманія, или еще и не знатъ даже, гдѣ что либо знаменитое случилось?

Правда, нынѣ прошло уже почти то неприятное для всѣхъ истинныхъ Россіянъ время, когда многіе изъ насъ, особливо молодые люди, не только занимаясь познаніемъ своего опечеснѣва, но даже говорить объ ономъ съ нѣкопрымъ уваженіемъ, или и называться Россіянами, считали для себя какъ бы постыднымъ; прошло уже то время, когда многимъ благовоспитываемымъ по видимому Россіянамъ, пренебрегая все опечеснѣнное, вмѣстѣ съ мапернымъ млеко въливаемо было познаніе всего иностраннаго, иностранныхъ нравовъ, иностранныхъ привычекъ, свойствъ и всѣхъ обыкновений, словомъ, всего, что только было не Руское.

Безсмертная дѣлами Великая Екатерина первая старалась изпребить сіе постыдное и для чести и славы Государства весьма вредное мнѣніе, первая несравненно болѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ прилагала попеченія, чѣобъ побудить насъ занимаясь познаніемъ своего опечеснѣва, сама подавала тому разительный примѣръ, и для желающихъ слѣдовать волѣ Ея доставила всѣ возможные способы; сама писала о Россіи, гдѣ между прочимъ начерпала оныя достопримѣчательныя слова: *всякому народу знаніе соб-*

ственной Исторіи и Географіи нужнѣе, нежели постороннихъ (а) Въ ея долговременное, благополучное и знаменитое царствованіе наибольшая часть неизвѣстныхъ дополъ древнихъ лѣтописей нашихъ получали какъ бы новое бытіе. Въ ея царствованіе вдругъ появилось великое множество сочиненій какъ о древнемъ, такъ и о настоящемъ состояніи Россіи. Она, не щадя безчисленныхъ издѣвній, посылала по всѣмъ частямъ обширнѣйшей своей имперіи извѣстныхъ знаніями ученому свѣту мужей, для описанія какъ произведеній природы, такъ равно рѣдкихъ останковъ древности и всего достопримѣчательнаго. Въ царствованіе Екаперины II не только иностранцы, но къ спыду нашему, и мы сами получали первое подробное и достоверное Физическое и Географическое свѣденіе о своемъ опечествѣ посредствомъ долговременныхъ и многотрудныхъ путешествій Палласа, Гмелиныхъ, Лепехина и премногихъ другихъ.

Великій Внукъ ея, попечительнѣйшій Опецъ о благѣ Своихъ подданныхъ, водворивъ навсегда въ Имперіи Своей науки и художества отккрытіемъ Университетовъ, Гимназій и разныхъ другихъ учебныхъ заведеній, отккрылъ намъ вѣрнѣйшіе пути и надежные способы къ приобрѣтенію всѣхъ полезныхъ познаній. Его мудрымъ попеченіемъ приобрѣли уже мы нынѣ вкусъ, и можно сказать приспращіе, занимаемся съ пользою опечественными произшествами, удивляться славѣ собственныхъ своихъ Героевъ, сохранять постоянство прародишельскихъ нравовъ, ихъ добродѣтели, кои соспавляютъ для насъ какъ бы нѣкое законное наслѣдіе.

(а) Записки касательно Россійской Исторіи Часть I. стран. 4.

И пакѣ, къ умноженію чести ихѣ, къ умноженію чести и славы нашего опечеснѣва, теперь, когда не имѣемъ мы недоспапка въ пособіяхъ къ основательному познанію онаго, оспается намъ единственно слѣдовать волѣ неусыпно обла- гѣ Имперіи Своея пекущагося Монарха Нашего, оспается намъ примѣры всѣхъ опличныхъ добродѣтелей заимствовать преимущественно изъ знаменитыхъ дѣяній собственныхъ нашихъ соопечеснѣнниковъ, и тогда безъ сомнѣнія мо- жемъ достойно именовать ихъ попомками и вѣрными исполниателями спасительныхъ намѣреній и попеченій Про- свѣтителя Россіи АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО.

Гавріилъ Успенскій.